

Курандеро Кикимор

Курандеро Кикимор по утрам всегда искал мир мелом. Вечером он просто странствовал, а целил он как целитель всегда бесцельно, ибо его похождения день изо дня становились всё сносней и сносней, пока не приобрели всю суть существования Курандеро. У Кикимор был собственный царь в голове, а звали царя Гликтусс. Он буквально, словно заноза, засел в излучине Курандеровой головы, и всюду бубнил, будто радиоточка, не давая Кикимору и слово вставить. Так и вели они беспрерывные беседы. Целитель и его царь в голове Гликтусс.

Однажды приходит к Курандеро странник, а царь Гликтусс начинает ставить на ремне межмирья монументальный табурет. Целитель кричит: «Войдите!», а его ноги в оранжевых резиновых тапочках сами шествуют в направлении табуретовой внутренней реальности, когда же странник всё-таки зашёл, то застал только ускользящие под подстилку на тисовом полу тени и мерцающий в полумраке табурет.

В полуподвале плавали ходячие вина. Они просто переползали крутящимся молочным дымком из бутылки в бутылку, собирая в своё это это лёгкое сотрясение стен. Стены плавали, подобно желе в шампанском, а Курандеро соскребал со стен их особый силиконовый сок, призывая волшебных грызунов, способных превращать невыразимость мира в ясность, а призрачные тени сокрывать от взгляда их несуществующих предметов.

А ещё в Шатких подвальчиках жил хранитель Имаго Лумб. Он склонял свою зелёную хитиновую голову в усатом бархатистом приплясе, но в глазах не исчезал отблеск Великой Тайны. Имаго Лумб обожал жевать горох и был идолом, которому поклонялся Курандеро Кикимор, опять колдовавший в полёте над блестящей лысиной странника, скитаясь в воссоединении грациозного Танго с Имаго Лумбом. Оракул защемлял свои членистые усики за ворсистые структуры раскидистых усов Курандеро, а в честных и звёздных фасеточных глазах его отражались танцы истинно беспредельного счастья.

Псевдоподии насекомого проникали глубоко вовнутрь пор Курандеро, приучая его в танце всё более и более быть насекомым. В Шатком подвале Имаго прорастал Насекомый Гриб – единственное излюбленное лакомство этих несносно вездесущих и кровососущих насекомых, в том числе и пророчествующих, как это обожал делать Имаго, то собираясь, то разбираясь по кусочкам, то разбираясь в чём-то несомненно непостижимом, то не разбираясь в присутствующем. Именно Насекомые Грибы приносили в Оракула Лумба его насекомую сущность, ибо по сущности своей все грибы изначально насекомы, а уж Насекомые Грибы – и тем более. И не был бы пророчествующий Имаго собой, а был бы картофелем, поленом в кедах или редиской, если бы его собой не сумел сделать вдруг проросший однажды В Шатком подвале этот небезнадёжный Насекомый Гриб.

Он отражал внутри себя целые созвездия, по его внутренней поверхности, залезая вовнутрь гриба, будто проволочник в дождевик, можно было изучать карту звёздного неба или даже запускать вовнутрь гриба маленькие такие спутники, ибо всякий из грибов имел внутри себя космос, ничем не отличимый от оставленного нами за бортом при подлёте к Земле. Оттого-то, что космосы они изнутри себя замостили-то, создавалось насекомое как обратная сторона гриба, иногда обращаясь в обновлённое насекомое. Курандеро натирался ершистыми мышами сам и натирал, по желанию, всех других, стремясь излечивать светом чистого, изначального знания, обосновывая каждому вновь пришедшему историческую

взаимосвязь между высоко духовной насекомой сущностью Имаго Лумба и её отражением в полусвязанную грибную составляющую.

Когда шкурка гриба связывается, то поверхность мицелия превращается в лестное подобие ужа, который, расширяя собственное естество и работая порами, привлекает на своей стороне разнообразные насекомые сущности, силами оных и движется. Но на более тонких общемировых уровнях материальная составляющая движимого насекомого ужа выказывается в виде общенасекомой сущности, взаимопотоки которой образуют мицелий для прорастания каждого нового гриба, но уже на качественно новом витке развития этих общемировых положений. Так, насекомые сущности становятся движущей прослойкой и, одновременно, эволюционным фактором Насекомых, а Насекомые сущности становятся движимой прослойкой и эволюционным фактором в развитии Грибов, в особенности, их недавно возрожденных цивилизаций.

С этой точки зрения перпендикулярно поставленные по отношению друг к другу Насекомые и Грибы вступают даже в своеобразное противостояние, несмотря на тесную и неразрывную взаимосвязь, пролонгированность существования грибов вовнутрь насекомых и заползание насекомых вовнутрь грибов. Курандеро, весь истёртый мышами, выразил согласие сплетения с Имаго, таким образом перейдя на сторону, противостоящую его извечно грибной сути. И тогда он перестал быть Кикимор. Он стал новым Имаго. Именно хитросклонять к насекомому прорастанию есть основная цель пророчествования Оракула Лумба. И Курандеро стал насекомым. И щитковые усики с щетинками повырастали на его голове. И вновь замерцал блеск туманностей в его фасеточных космических глазах.

*Белоусов Роман,
25 марта 2011 года.*